

18+

Алексей Галкин
Рассказики

Алексей Галкин

Рассказики

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Галкин А.

Рассказики / А. Галкин — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-532-94868-6

Каждый человек в своей жизни попадает в комические, трагический, бытовые, но вместе с этим, довольно-таки философские ситуации. Каждый решает такие житейские задачки по своему усмотрению, интеллекту и чувству юмора. Читатель, возможно, нашёл бы иные решения, чем герои моих повествований. Что ж, поживём - увидим.

ISBN 978-5-532-94868-6

© Галкин А., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Квадрат Малевича	5
1	5
2	9
3	11
4	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Алексей Галкин

Рассказики

Квадрат Малевича

1

Было это в далёком 1989 году, когда гостиница «Ленинград» в Сочи именовалась ещё гостиницей «Ленинград». Может и сегодня гостиница «Ленинград» носит до перестроечное название, а может, и нет – мне неизвестно, но тогда, в 1989 году, гостиница называлась «Ленинград», и именно в неё, в конце августа вселился Михаил Маркович Малевич, коренной москвич, родившийся пятого мая 1949 года и прописанный на проспекте Калинина в доме №21.

«Почему так подробно я рассказываю о том, куда вселился Михаил Маркович?» – спросишь ты, читатель. И, возможно, вопрос этот правильный, и я на него отвечу.

Дело в том, что в гостиницу «Ленинград» в 1989 году могли попасть, в качестве постояльцев: либо «члены», либо «председатели», либо Михаил Маркович Малевич. И дело здесь не в национальной принадлежности, а в профессии. Хотя, без национальной принадлежности, а точнее, без характерных черт этой принадлежности, не был бы Михаил Маркович заместителем начальника фестивального отдела всесильной организации, каковой тогда являлся «Росконцерт».

Малевич был мал ростом, седой на всю голову, скромно одетый, короче, ничем Михаил Маркович от прочих советских людей не отличался. Но стоило ему только открыть рот, как: собеседники ли, сосед ли по столику в ресторане, отдыхающие ли на пляже, пассажиры ли самолётов, поездов и пароходов, медленно закрывали свои говорилки и будто наркотик, всасывали в себя слова и обаяние этого человека. Михаил Маркович не был аферистом или мошенником, хотя при желании мог бы стать и тем, и другим. Просто был он настолько убедительным и доказательным, что каждый слушающий его попадал под невиданный словесный гипноз и верил безоговорочно каждому слогу, вылетающего из его уст.

Михаил Маркович, всегда приезжая в Сочи, останавливался в гостинице «Ленинград». Он мог бы проживать в любой гостинице, но останавливался он именно в «Ленинграде» из-за природной лени, растущей и цветущей в нём весенним васильком. Дело в том, что от гостиницы «Ленинград» шёл великолепный ступенчатый спуск к морю и не просто к морю, а к двум валунам, расположенным в море, в нескольких метрах от берега. Михаил Маркович очень любил именно это место на всём Черноморском побережье. Он каждый год, а то и дважды в год, а то и чаще, именно в этом месте, входил в море и садился на один из этих валунов, и море, словно верблюжье одеяло, нежно накрывало его до подбородка. Надо признать, что Михаил Маркович имел всего лишь один, но очень существенный, по его мнению, недостаток – он не умел плавать. То есть, не то, чтобы плохо или только «по-собачьи», а просто никак. Но, как я уже говорил выше, в силу своей доказательности, ему удалось с лёгкостью убедить весь мир, включая маму, детей, жену и всех любящих его женщин, что ему намного приятнее и полезнее думать о работе и близких сидя на валуне, чем бессмысленно размахивать руками, плавая до буя и обратно. Ему предлагался надувной матрац, чтобы он, плавая, не размахивал бессмысленно руками, но он под любым предлогом отказывался и от матраца. На самом же деле, Малевич просто боялся опрокинуться в море с этого плавсредства или хуже того, если бы этот надувной вулкан неожиданно сдулся, извергая жуткие звуки и пузыри и все бы увидели его безобразно-беспомощным, отвратительно-жалким и орущим: «Помогите! Тону!!!», а этого

омерзительного удовольствия Михаил Маркович не хотел предоставлять никому, тем более себе.

Проснувшись в номере «Полу-люкс» где-то около двенадцати, Михаил Маркович сладко потянулся и, решив, что ему уже пора отвезти кухню местного буфета, быстро натянул шорты, воткнул ноги во «вьетнамки», покрутился перед зеркалом и побежал на пятый этаж. На входе в буфет его что-то остановило. «Что-то здесь ни так!» – пронеслось в голове Малевича. Медленно подняв вверх свои голубые глазки, Михаил Маркович убедился в своей правоте. Ещё весной местный буфет назывался простенько и со вкусом – «Буфет», но сегодня вывеска была настолько интересна, насколько непонятна и даже агрессивна, а именно «Вертухай» было набито над входом.

От неожиданности прочитанного, Михаил Маркович громко икнул. «Господи, спаси и сохрани!» – только и пронеслось в его голове. Малевич осторожно приоткрыл дверь и оглядел помещение: столы, раздача, посетители и даже раздатчица и кассирша, все аксессуары «Буфета» были на своих весенних местах, будто и не уезжал никуда Михаил Маркович.

– Галочка-милая, – подойдя к кассирше, запел Малевич, – объясните мне, глупому еврею, что сия вывеска означает?

– Да ничего она не означает, – будто и не уезжал никуда Михаил Маркович, – просто теперь это частное предприятие. Поверьте, у нас не хуже, чем там у вас в Москве, мы тоже не пальцем деланные...

– Я верю-верю... но название какое-то странное, вы не находите?

– Да ничего странного, просто Верка, наша, Турилина, хозяйка, значит, обозвала своё предприятие именем себя.

– ???

– Ну, чего вы на меня уставились, господин Малевич? Это – абритура, ясно? Мы здесь всё понимаем: раз своё, значит и название имени себя. Ясно?

Совершенно ошарашенный таким заявлением и напором, Михаил Маркович отошёл в сторонку и стал рассуждать. Логика никогда не подводила его, но было понятно, что сегодня не её, логики, день. «Во-первых, не пальцем деланные, не „абритура“, а „аббревиатура“, а во-вторых, какая к чёрту аббревиатура имени себя? Аббревиатура – „В.Т.“, вот это – аббревиатура! А это что? Чушь собачья, да ещё и кроме собачьего, зоной воняет. Так, ладно, проехали. Надо сначала. И так: „Вер“ – это Вера, это понятно, „Ту“ – также понятно, Турилина. Но что делать с „Хай“? Совсем непонятно».

– Галочка-радость, – вырос Малевич возле кассирши, – я, почти, разгадал вашу абритуру, но вот «хай» меня несколько озадачил. Помогите и пятьдесят процентов от стоимости завтрака ваши!

– Да я и сама не очень поняла, – хохотнула пончик-Галочка, – Верка чего-то объясняла, но я ничего не поняла. Да вон, она сама выходит, у неё и спрашивайте, господин Малевич, да?

Малевич оторвал взгляд от Галочки и увидел, как на раздачу вышла ОНА. Михаил Маркович опять громко икнул, что было весьма странно: Михаил Маркович икал только в исключительных случаях, а сегодня с ним уже дважды это произошло.

– Барышня Вера, – Михаил Маркович, подкравшись к раздаче, поднял на рыжеволосое и зеленоглазое, Богом точёное диво свои хитро-обольстительные глазки, – если вас не затруднит и не отнимет у вас много вашего драгоценного времени, объясните мне, будьте любезны, что означает окончание «хай» в изысканном названии вашего великолепнейшего кафе?

Вера Турилина в изумление уставилась на Михаила Марковича, затем перевела взгляд на Галочку и сексуальным пеховским контральто изрекла:

– Галя! Что это?

– Да это же Малевич!

– То, что это москвич, я поняла по его развязанным речам, но что оно желает?

– Вас, барышня Вера. Шучу, шучу – поспешил поправиться Малевич, увидев округляющиеся глаза Веры Турилиной. – Хотелось бы услышать расшифровку окончания «хай» в загадочном названии вашего vip-кафе.

– Что вы, что вы, господин Малевич, кажется так? – Малевич кивнул, а Вера Турилина, кокетливо улыгнувшись, продолжила, – ещё далековато до Vip, нам ещё работать, работать и работать, как говаривал Ленин.

– Ленин взывал к учению, – Малевич сосредоточил взгляд, – разве я не прав?

– А для нашего коллектива работа и учение – это одно целое. Мы говорим работа, подразумеваем – учение, мы говорим учение, подразумеваем – работа. Вы с этим не согласны, господин Малевич или как?

Михаил Маркович, несколько обескураженный, поставил на поднос стакан со сметаной, цинично оглядел салаты, непонятно чем деланные, только не пальцами, внимательно осмотрел персики и виноград, подумав при этом, что с vip он, пожалуй, погорячился, что до vip им, пожалуй, как до Марса, кажется рядом, а ручки-то коротки. Из состояния релаксации вывел его пеховский голос, будто прилетевший всё с того же Марса:

– Господин Малевич! А вы бывали когда-нибудь в Западных цивилизациях или только на нашу провинцию у вас, и хватает денежных знаков?

– А? Что? Ах-да, бывал-бывал, приходилось...

– А где? Если, конечно, это не военная тайна.

– В Париже был, в Вене, в... А к чему вы спрашиваете, барышня Вера?

– А к тому, что если вы, господин Малевич, встречались там с кем-то, так сказать, в неофициальной обстановке, – здесь Вера Турилина мечтательно закатила глазки, и Михаил Маркович моментально уловил Верину мечтательность, – то и обращались к вам соответственно. Как?

– Как-как! В Париже и Брюсселе – «сова, Мишель!», а так, мимоходом, в остальной Европе? – Малевич просиял, и улыбкой своей пронзил сердце Верочки, – милая

барышня, вы хотите сказать, что на вашей вывеске красуется «Вера Турилина Привет», правда, в несколько сжатом и извращенном, я бы сказал, варианте?!

– А вы догадливый, господин Мишель.

– Да и вы прекрасны в своей грациозности и проницательности!

В образовавшейся паузе, Михаил Маркович позволил произвести Вере оценку своей персоны. Вера Турилина поняла своим женским чутьём, что ей предоставляется право оценки стоящего перед ней господина, а не товарища, и воспользовалась моментом сполна. Она не бросалась на «членов» и «председателей», её от них тошнило изначально: от их тупой напыщенности, дутой важности, а в итоге, абсолютной никчёмности и ненужности. Вера Турилина, ещё в разговоре, оценила «американскую» улыбку, порфюм, укладку седой копны и взгляд, отпускаемый на салаты и фрукты. Перед Верой стоял не «член», а «серый кардинал», обладающий реальной властью и реальными деньгами. Может быть, за ним и охотились различные органы нашей державы, но всё поведение его, естественное и нехамское, говорило о том, что «остались ни с чем егеря».

– Барышня Вера, – понизив голос, запустился в лёгкий манёвр Михаил Маркович, – не будет ли с моей стороны чрезмерно самонадеянным пригласить вас на ужин? Вы можете выбирать любую ресторацию...

– А затем???

– А что затем? Мне просто очень приятно с вами общаться. Почитал бы вам стихи, например, Евтушенко: «Кровать была расстелена, а ты была рассеяна. Ты спрашивала шёпотом: „А что потом, а что потом?“» ... и так далее, это из раннего... Или Волошина: «Я люблю усталый шелест старых писем, дальних слов... В них есть запах, в них есть прелесть умирающих цветов...»

Малеви́ч читал далее, а Вера, впервые в жизни, слушала стихи, предназначенные персонально для её слуха. Она даже не понимала смысла слов и содержания. Вера Турилина впервые в жизни услышала музыку стихосложения. Вера Турилина упала замертво, ещё не доходя до поля битвы.

Михаил Маркович и Вера Турилина не пошли в ресторан. Они заказали ужин в номер. В этот день Вере Турилиной исполнился двадцать один год.

2

«А где квадрат-то?» – спросит читатель. Вот он! Пожалуйста.

Проснувшись в номере «Полу-люкс» где-то около двенадцати, Михаил Маркович сладко потянулся. Вновь закрыв глаза, Малевич прокрутил в памяти и ужин, и ночь, и утро, и Веру, проспавшую к открытию «Вертухая». Аргументом к переходу ужина в ночь было обычное непопадание домой, ввиду отсутствия в полночь транспорта в городе, включая такси. И Вера вынуждена была позвонить и объяснить маме, что останется ночевать на работе. А затем, Михаил Маркович рассказал Вере удивительную историю о том, что принципиально не ложится в постель с одетой женщиной, что он, Михаил Маркович не будет её домогаться и что для него, Михаила Марковича, секс не важен, а важно простое общение, и что если Вера Турилина будет против секса, то он, Михаил Маркович не будет настаивать, но всё равно, Вера должна лечь голой – это принципиально. Вера не была против секса, а Михаил Маркович не настаивал. Ночь получилась бурной до рассвета.

Выскочив из-под насквозь мокрой простыни, Малевич с ленцой потащился в душ, а затем, надев выходной костюм и традиционно покрутившись у зеркала, решил, что ему пора навеститься в «Вертухай» и поздравить Веру Александровну со вчерашним днём рождения. Для этого он достал из сумки бутылку «Мадам Клико», утаённую вчера, вышел из номера и спустился на первый этаж. План его был такой: сдать ключ, купить свежих фруктов и цветов, а также торт, большой красивый и вкусный, и поздравить всех работников «Вертухая» с рождением хозяйки. План его был настолько изысканный и щедрый, что ему не суждено было сбыться.

Консьержка, посмотрев на ключ, сообщила ему официальным голосом:

– Восемь тыщ шестнадцатый? Подойдите на ресепшен, там для вас сообщение.

– А что случилось?

– Не могу знать. Подойдёте и узнаете.

С неприятным осадком на сердце Малевич пошёл к лифту. Администратор гостиницы узнала постоянного клиента:

– Добрый день, Михаил Маркович. Как заселились? У нас новенькая вчера работала, а сегодня я на сутки, всё нормально? Жалоб нет?

– Да. Всё нормально, – Малевич не мог вспомнить имя администратора и мучился, – что там ещё за сообщение?

– Позвонила ваша жена и сказала, что сегодня прилетает, что встречать её не надо и что будет она через, – администратор посмотрела на часы, – через час.

– Всё? – Малевича передёрнуло.

Нет! Михаил Маркович очень любил и уважал свою жену, и был ей всегда благодарен за годы, прожитые вместе, но как сейчас это было некстати.

– Нет, – эхом отозвалась администратор, – не всё.

– О, Господи! Что ещё?

– Ещё, звонила какая-то Марина, уточнила ваше проживание и сказала, что будет она здесь через, – взгляд на часы, – через пятьдесят пять минут, что встречать её не надо, но жить ей негде.

– О, Боже! Они что, на одном самолёте летят?!

– Не знаю-не знаю, – с очень лукавым взглядом и голосом молвила ведьма-администратор, – и ещё...

– О, Дева Мария! Спаси и сохрани! Что ещё?

– Вас, Михаил Маркович, в ресторане, ожидает очень премиленькая и премолоденькая девушка. Ой, шалун...

– А, я догадался...

– Нет, это не Вера Александровна. Веру Александровну я знаю...

– Вот всё-то вы знаете, – Малевич хотел уже пойти в ресторан, но остановился, – у вас есть свободные одноместные номера?

– Для вас, Михаил Маркович, хоть целый этаж.

– Этажи-то разные, если можно. Три одноместных, пожалуйста, сделайте, на разных этажах, кроме пятого и восьмого, вы понимаете, и запишите, кого и куда вы расселили... Вылетело из головы как вас зовут...

– Ирина.

– Ах-да. Ирина, простите великодушно. А что, про Веру Александровну знает уже весь «Ленинград»? – Малевич изобразил подобие улыбки.

– Нет, только избранные.

– Что ж, хоть одна более-менее приятная новость. Так что с номерами, это возможно?

– !!!

– Благодарю вас, Ирочка. Век не забуду, – и Малевич перекинул через стойку пакет, с находившейся там, теперь уже ненужной, «Мадам Клико».

Малевич был раздавлен и опустошён. Он шёл в местный ресторан, недоумевая, кто бы мог ему назначить свидание, какая ещё «премолоденькая девушка». «О, Всевышний! – про себя орал Михаил Маркович, – у всех людей, как у людей – „любовный треугольник“, а у тебя, еврейская рожа, всё шиворот-навыворот, аж „квадрат“, но ты не участник – ты цель. Жена и любовница в одном самолёте! Хорошо, что друг друга не знают! Эта мырма в кабаке, неизвестно, кто такая, и каким ветром её занесло. Верочка-лапуленька! Вот засада! Испортить такое утро! Господи Иисусе! Четыре тётки в одном флаконе! Помоги! Не дай мне засохнуть! Хоть тату на „косточке“ лепи „Король четырёх стен“! Помоги, Господь! Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас». Проскулив про себя молитву трижды, как положено, Малевич открыл дверь ресторана. «Мыррой в кабаке» оказалась его дочь от первого брака Юля, только радости это не прибавило Михаилу Марковичу. Юля терпеть не могла его жену и называла её, даже при ней несколько раз, Ягой, вместо Яны.

Вот тебе, читатель, и квадрат! Распишись в получении!

3

Малевич знал, что они, все четыре барышни-дамы, не должны были пересечься ни при каких обстоятельствах. Но он понятия не имел, каким образом можно было избежать столкновений. И самыми опасными, по его мнению, была встреча в холле гостиницы, а также неожиданный «поцелуй» Яны с Юлией.

С Юлей они и подошли к стойке администратора.

– Юленька, доченька, заполни бланк. Там за столиком тебе никто не помешает.

– Ириша, – Малевич метнулся к администратору, – выручайте! Кто бы из сегодняшних трёх див меня не спросил, я здесь не живу. Где? Вы не знаете! Я прихожу сюда в полдень, в пересменку, за новостями. Всё!

– Не завидую я вам, Михаил Маркович. Кстати, а где вы достали такое шампанское?

– В Париже, Ириша, в Париже. Штука баксов за бутылёк!

И пока у администратора округлялись глаза, Малевич уже направлялся к дочери:

– Радость моя, заселишься и иди на море. Я, к сожалению, не смогу сегодня уделить тебе время, послезавтра приезжает Алла Борисовна, надо всё организовать и подготовить к приезду, а завтра сцену монтировать. Работы невпроворот. Всё! Извини! Я побежал! Отдыхай, не сучай и не о чём плохом ни думай!

– Папа! А деньги?

– Ах-да, конечно, – Малевич достал из портмоне 200 долларов и протянул их Юле. Это были очень неплохие деньги, если учесть, что зарплата у инженера колебалась в районе ста сорока рублей, а доллар в обменнике «весил» четыре рубля 95 копеек. – На первое время хватит, гостиницу я оплатил за пять суток, начнутся концерты, времени будет больше, там разберёмся. Всё, побежал.

Михаил Маркович пулей вылетел из гостиницы, но пробежал он не много, только до угла. Он присел на краешек мраморного парапета, обрамляющего клумбу, и стал ждать. Минут через десять подъехало такси, и Михаил Маркович увидел вываливающуюся из машины Яну. Другого и не ожидал Михаил Маркович. «Наверняка всю очередь растолкала», – беззлобно подумал Малевич. Здесь надо признать, что Яна Сергеевна была дамой несколько шумноватой, и груз значительности, а также ответственность за репутацию семьи, она взвалила целиком на свои нехрупкие плечи.

Михаил Маркович проводил насмешливым взглядом любимую супругу до дверей гостиницы и закурил. Прошло ещё около получаса, прежде чем Малевич увидел Марину, плывущую, словно по волнам, от автобусной остановки. Но это не означало, что она приехала на автобусе. Марина всегда садилась в машину, пропуская всех вперёд, и никогда не доезжала метров двести до заданной точки. Её хобби было – внимание населения к её персоне. Марину не волновал пол и возраст, её даже не волновало, был ли это вообще человек. Когда на Марину рычала собака, она картинно отпрыгивала в сторону, становясь в позу маленькой собачонки на задних лапках, и задавала совершенно глупый вопрос: «Ой-ой-ой! А она у вас не кусается?», – и, получая не менее глупый ответ: «Что вы, что вы, не волнуйтесь», – удалялась, удовлетворённая обращённым на неё вниманием. Марина-пава несла своё тело, внутренне глядя на себя со стороны, когда к ней подошёл Михаил Маркович. Она даже не остановилась, думая и видя боковым зрением, что идёт к ней нечто.

– Мадмуазель, Мэри, – обратился Малевич уже к спине, – ты ко мне приехала или так, погулять?

Марина обернулась на звук и удивлённо вскинула брови:

– А... это ты, любимый... А я подумала, что за дядька идёт прямо на меня, сумасшедший какой-то!

– Пойдём, малыш, я поселю тебя...

– Как, поселю? Мы разве не вместе?!

– Нет, котик, в этот раз вместе не получится. Во-первых, вы, – Михаил Маркович запнулся. Он понял, что чуть не проговорился, но вовремя нашёлся, – мадмуазель, спутали своим приездом все мои карты: я не ждал вас! Послезавтра приезжает Пугачёва на три дня, затем, Леонтьев, затем Жванецкий и я решил, что лучше мне быть с ними рядом.

– Милый, они каждый год ездят, а то и по два-три раза в сезон, но ты всегда жил здесь, в «Ленинграде»? Что вдруг произошло и почему ты надел выходной костюм? Жарко ведь?!

– Я же сказал, что приехали вы, – он икнул, – мадмуазель, неожиданно, а у меня скоро официальный приём французко-американской делегации, приехавшей специально на концерты Пугачёвой и Леонтьева.

– Так переселись и делов-то, а Шарли и Джоны без тебя великолепно примут всё, что им положено принять!

– Это уже, в принципе, невозможно, так как всё уже на меня «заряжено»: и повара, и обслуга, и охрана даже. И если я сегодня не приеду до полуночи, будет объявлен розыск и т. д.

– А ты позвони от администратора и предупреди, что не приедешь сегодня до полуночи...

– Я не могу позвонить от администратора, я вообще не могу позвонить! – Малевич уже начал раздражаться то ли от своего очевидного фантастически-наглого вранья, то ли от тупой дотошности, не во время появившейся Марины. Михаил Маркович хотел просто отдохнуть от всего и от всех, а ему предстояло сегодня врать, изворачиваться, что-то выдумывать и оправдываться, словом, заниматься своей обычной рутинной работой.

– Почему, котик, ты не можешь позвонить? – Марина надула губки.

– Потому, киска, что там нет телефона, потому что – это секретный особняк КГБ СССР! Всё, моё время вышло! Заселишься теперь сама, я побежал...

– Котик! А деньги?

– Ах-да, конечно, – Малевич достал из портмоне 200 долларов и протянул их Марине, подумав, что это происходило уже с ним сегодня, – на первое время хватит, гостиницу я оплатил за пять суток, начнутся концерты, времени будет больше, там разберёмся. Всё, побежал.

Марина фыркнула, повернулась спиной к любовнику и медленно пошла в «Ленинград» бёдрами танцую ламбаду. А Михаил Маркович даже и не побежал никуда. Он проводил взглядом любовницу, которая столкнулась на входе с Яной Сергеевной.

У Михаила Марковича стружкой по позвоночнику что-то побежало в плавки. «О, Господи, благодарю тебя за то, что ты не познакомил их», – подумал Малевич, вытер платочком моментально вспотевший лоб и не спеша пошёл за супругой.

– Яночка, родная! Как хорошо, что я тебя догнал! Ты приехала, радость моя? Всё удачно?

– Да, милый. Спасибо, что тебе удалось меня поселить. Это было, видимо, трудно?

– Не волнуйся. Для меня трудностей не существует. Как ты планируешь отдыхать сегодня? – И Малевич опять начал врать о своей жуткой занятости на эти три дня.

– Хорошо, Мишенька, ты только не перенапрягай себя, – выслушав монолог мужа, заботливо пропела Яна Сергеевна, – у тебя же острый гастрит и тебе нельзя волноваться. За меня не беспокойся. Я сейчас на пляжик ВТО, может, кого из наших увижу... кстати, а что здесь делает эта певичка начинающая... как её Марианна... Марина... Мария... не помню, у которой вы сольную программу не приняли весной... я с ней сейчас столкнулась, да и в самолёте она, кажется, тоже летела?

– Не знаю, о ком ты, – и опять что-то потекло по позвоночнику, – если молодая, может на конкурс? В сентябре конкурс молодых певцов...

– Если она к тебе подойдёт, будь поосторожней с ней. Знаю я эту современную молодёжь... Хотя, ей надо совсем стыд потерять, чтобы к тебе подходить, ты же тогда так ей хвост прижал, в апреле...

– Ладно-ладно, любимая. Я много за свою жизнь, хвостов защемил, чтобы не высывались... А из театралов, кажется, заехали Люба Полищук, Мариночка Неёлова, кажется ещё, Валечка Талызина... Может, кого и встретишь... Отдыхай, лапа, и за меня не волнуйся. Всё! Время! Я побежал.

– Мишенька! А деньги?

– Ах-да, конечно, – Малевич слегка побледнел, достал из портмоне 200 долларов, протянул их Яне Сергеевне и произнёс уже дважды за сегодня сказанную фразу, – на первое время хватит, гостиницу я оплатил за пять суток, начнутся концерты, времени будет больше, там разберёмся. Всё, побежал.

Никуда не побежал Михаил Маркович. Он прокрался в свой номер, стянул с себя костюм и, то ли от вранья, то ли от жары, совершенно мокрую рубаху, быстро натянул шорты, воткнул ноги во «вьетнамки» и помчался на свидание к валунам. В шортах, майке и шлёпанцах он вошёл в море, сел на валун, блаженно закрыл глаза и мечтательно окунулся в ночные объятия Веры.

4

Кто-то толкнул Михаила Марковича в бок. Он вздрогнул, открыл глаза и заставил себя улыбнуться.

– Да, папуля, ты даёшь! – На соседнем валуне сидела довольная Юля. – И Яга, и Марина... ты просто половой гигант! Молодец! И всех в одну гостиницу заселил! Чтобы не бегать далеко, чё ли?

– В свои девятнадцать, ты очень неплохо осведомлена об отношениях между полами!

– Есть в кого. Но это не самое интересное, к этим двум пассиям я уже привыкла, но вот сегодня...

– А что сегодня? – Михаил Маркович почему-то напрягся.

– После удачного заселения, я не пошла на море, а поднялась в «Вертухай», знаешь, на пятом, кафешка?

– Ну-ну, и дальше что?

– А далее... – Юля закатила глаза и в ожидании замолчала.

– Всё. Брысь отсель со своими загадками! Ты мне надоела!

– Папуля! Я твой друг, верный и надёжный. А ты мне «брысь!», как тебе не стыдно.

– Ладно-ладно, чего там «Вертухай»?

– А там, совсем девочка, моя ровесница, наверное, но уж очень хорошенькая, говорила кассирше, что хотя некий Михаил Маркович немного для неё староват, но в постели, да и ваше, это я её цитирую, мужик что надо, и что надо бы ей «по-серьёзному» с ним шуры-муры закрутить...

– Мало ли на свете Михаил Марковичей...

– Может и не мало, только я уточнила у этой девушки, а не тот ли это Михаил Маркович, который всех популярных артистов нашего Союза катает, как по стране, так и за её пределами.

– Ты что, рехнулась?!!

– Папуля! Я буду молчать, как рыба, но как говаривал бессмертный Бендер: «За это, Шура, я буду требовать от вас множество мелких услуг!» И потом, мне уже надоели и твоя Яга, и эта двадцатипятилетняя Марина. Хотелось бы поболтать с кем-то на равных, да и питание опять-таки...

– Юля! Знай! Ты сошла с ума! – Но сказав эту фразу, Малевич неожиданно понял две вещи: ему приятно было услышать про «шуры-муры» и что очень хорошо, когда такая рыба-акула находится в стане или стае твоих друзей. – И каков же был ответ на твоё уточнение?

– А я ещё изрекла, что знаю, что остановились вы, Михаил Маркович, здесь, в «Ленинграде», но не знаю в каком номере и что вы, Михаил Маркович мне очень нужны по вопросу...

– Хватит! Хватит издеваться над отцом!

– Ладно. Я отстану от тебя, если ты познакомишь нас. Кстати, как зовут-то твою новую пассию?

– Вера Александровна. – Буркнул раздавленный Малевич.

– Ладно-ладно, отдыхай и не думай о плохом, тем более что Вера, так сказать, Александровна, в эту минуту заходит в море и направляется к нам, то есть к вам, Михаил Маркович.

Разрезая, словно торпеда, мелкие волны, Вера Александровна шла к своей цели. Малевич провожал взглядом рыбу-акулу, плывущую вдаль, и думал, что видимо, это был самый удачный день за последние несколько лет его жизни.

– А с кем ты сейчас разговаривал, Мишель?

– Это была Юля, мой самый верный и надёжный друг, надеюсь.

И вдруг, Михаил Маркович Малевич, подтянулся на руках, встал ногами на валун, скинул в воду «вьетнамки» и нырнул в море. Он плыл и был счастлив, бессмысленно размахивая

руками и крича «Мурку» так громко, что плывущие рядом шарахались в стороны, давая ему некий коридор. Он догнал Юлю, хлопнул её по попе так, что она чуть не захлебнулась, и вернулся к Вере.

– Верунчик! Я твой навеки! Пошли ко мне и не задавай дурацких вопросов, а то брошу. Перед тобой человек абсолютно свободный и лишённый каких-либо комплексов и недостатков! Вот так! Пошли!

Первым рейсом обессиленный, но счастливый Михаил Маркович улетел в Москву, оставив в Чёрном море все горести и беды. Впереди была сладкая и безоблачная жизнь.

На этом стоило бы остановиться, но автор хотел бы высказать свою точку зрения на всю эту историю. Когда я вижу репродукции «Чёрного» или «Красного» квадратов художника Малевича, у меня возникают ассоциации, связанные с этой историей, рассказанной Михаилом Марковичем мне лично, по секрету. Я тоже являюсь самым верным и надёжным его другом, и говорить об этом очень приятно.

Малевич не развёлся с Яной Сергеевной, но устроил так, что Вера Александровна переехала в Москву, удачно, как и Марина, вышла замуж, и по сей день работает шеф-поваром в одном из самых известных ресторанов Москвы. Она свободно говорит на английском и французском языках, «натаскала» её Юля, подарившая Михаилу Марковичу внука Матвея, они с Верой закадычные подружки. Вера Александровна знает русскую, европейскую, арабскую и азиатскую кухни, как свои пять пальцев, и считает Михаила Марковича своим главным учителем и главным наставником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.